

ПРАВО КОММУНИКАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

THE RIGHT OF COMMUNICATION IN THE RISK SOCIETY

Елена Васильевна ПЕРЕПЕЛИЦА

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь
perepelinka@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8017-6556>

Информация об авторе

Е.В. Перепелица — кандидат юридических наук, доцент, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Аннотация. Своеобразие сегодняшнего общества предопределено информационно-коммуникационными технологиями как технологиями самого широкого, массового применения. Они удостоены эксклюзивного внимания ученых, включая научное юридическое сообщество. Анализ процессов сораствления права и технологий способствует расширению дисциплинарной территории права, в особенности информационного. Господствующий правовой научный дискурс достаточно хорошо оценивает как преимущества, так и риски бурной технологизации. В условиях изменения технологического уклада общество как бы заново осваивает науку взаимодействия. В статье акцентировано внимание на тех аспектах, которые, как правило, остаются за рамками научной рефлексии. Это право коммуникации, спорадическое изменение общественных отношений, ускоренное образование сетевых акторов, которые представляют свою картину мира в киберпространство и при этом не соглашаются с ролью пассивных участников информационного взаимодействия.

Цель автора — показать, что большой объем накопленных знаний и впечатляющие примеры использования инновационных технологий в различных областях юридической деятельности не исключают потребности освоения «плодов» прогресса за рамками ускорения внутригосударственных управленческих процессов, права граждан на доступ к (правовой) информации, получения государственных услуг в режиме онлайн. Оставаясь в плену статичных юридических конвен-

- ций, мы рискуем бесконечно повторять путь внешнего
- и чисто символического переодевания старых правовых
- институтов в новые технологические одежды. Показана
- значимость релевантной методологии как инструмента,
- без которого сложно применять достижения цивилиза-
- ции для удовлетворения растущего запроса граждан на
- легитимное включение в повестку дня, общественной ве-
- рификации юридически значимых решений. Основной
- вывод: при условии распознавания социальных пато-
- логий, своевременном нивелировании многочисленных
- рисков, сопутствующих новым формам коммуникации,
- технологии дня могут послужить средством укрепления
- общественно-государственного взаимодействия, чтобы
- акторы, представляющие публичную власть, больше
- прислушивалась к голосу народа, а активность граж-
- данского общества направлялась в позитивное русло.

Ключевые слова: коммуникационная революция; информационное право; технологический уклад; технологизация; коммуникация; технологическая конвергенция; информационный риск; юридическая методология; информационное общество; среда обитания; демократия участия

Для цитирования: Перепелица Е.В. Право коммуникации в обществе риска // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2021. Т. 39, № 4. С.
[http://: dx.doi.org.....](http://dx.doi.org/.....)

Elena V. PEREPELITSA

- National Center of Legal Information of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus
perepelinka@gmail.com
- <https://orcid.org/0000-0001-8017-6556>

Information about the author

- E.V. Perepelitsa — candidate of Legal Sciences, associate professor, associate fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights National Research University «Higher School of Economics»

Abstract. The originality of today's society is predetermined by information and communication technologies as technologies of the widest, most widespread use. They have received exclusive attention, including the scientific legal community. Analysis of the processes of co-development of law and technology contributes to the expansion of the disciplinary territory of law, especially information. The prevailing legal scientific discourse adequately evaluates both the advantages and risks of rapid technologization. In the context of a change in the technological structure, society, as it were, is re-mastering the science of interaction. In this regard, the article focuses on those aspects that, as a rule, remain outside the scope of scientific reflection. This is the right of communication, a sporadic change in social relations, the accelerated formation of network actors who represent their picture of the world in cyberspace and at the same time do not agree with the role of passive participants in information interaction.

The author's goal is to show that a large amount of accumulated knowledge and impressive examples of the use of innovative technologies in various areas of legal activity do not redeem the need for mastering the "fruits" of progress within the framework of accelerating domestic administrative processes, the right of citizens to access (legal) information, services online. Remaining in captivity of static legal conventions, we risk endlessly repeating the path of external and purely symbolic dressing up of old legal institutions in new technological clothes. The importance of the relevant methodology as a tool without which it is difficult to apply the achievements of civilization to satisfy the growing demand of citizens for legitimate inclusion in the agenda, public verification legally meaningful decisions. The main conclusion: under conditions of recognition of social pathologies, timely leveling of numerous risks associated with new forms of communication, technologies of the day can serve as a means of strengthening public-state interaction, so that actors representing public authorities listen more to the voice of the people, and the activity of civil society is directed towards positive channel.

Keywords: communication revolution; information law; technological order; technologization; communication; technological convergence; information risk; legal methodology; information society; habitat; participatory democracy

For citation: Perepelitsa E.V. The right of communication in the risk society // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2021. Vol. 39 (4) P. <https://doi.org/.....>

*Мы находимся на острове знаний,
окруженном морем нашей неосведомленности.
И по мере роста нашего острова знаний растет
и береговая полоса нашего незнания.*

Джон Арчибальд Уилер [1, с. 5]

Исследуя киберпространство как сферу обитания права в одноименной статье, опубликованной в 1999 г., М.А. Федотов пророчески назвал интернет информационной сокровищницей и информационной свалкой [2, с. 26]. Истекшие десятилетия убедили нас в справедливости и оправданности этих характеристик. Мы уже достаточно вкусили «плодов» прогресса и научились извлекать пользу из технической оснащенности. Передовые технологические разработки доказали свою полезность и незаменимость в различных областях права. Приобретена некоторая власть над цифровыми стихиями, однако полная власть по-прежнему не достигнута. Природа этих стихий такова, что они хотя бы на несколько шагов, но будут опережать любые попытки овладения ими. Не уменьшается «зависимость уровня жизни от состояния и качества телекоммуникаций» [3, с. 24], национальных правовых порядков от информационных рисков и угроз. Запущены новые процессы коммуникации. Благодаря мобильной передаче данных общество как бы заново осваивает науку взаимодействия. Как писал К. Шваб, «нам еще только предстоит осознать всю полноту темпов развития и размаха новой революции. Представьте себе неограниченные возможности общества, в котором миллиарды людей связаны между собой мобильными устройствами, открывающими беспрецедентные горизонты в сфере обработки и хранения информации и доступа к знаниям» [3, с. 8].

С глубокой древности и до нашего времени (если под «нашим» понимать как минимум последние столетия) среда обитания человека постоянно меняется. Одним из главных источников этих изменений служат технические новшества. Даже беглый взгляд на историю показывает связь траектории жизненного цикла человеческой цивилизации с научно-техническими и промышленными революциями. «Технологические факторы обуславливают глубокие соци-

альные и политические преобразования» [4, с. 212]. Запатентованный в XVII в. паровой насос, казалось бы, раз и навсегда преобразил мир, окружающий человека. Закономерным следствием индустриальной революции было усовершенствование систем и форм организации хозяйствования. Благодаря внедрению конвейеров удалось достичь успехов в производстве. Даже самые уникальные открытия со временем теряли свою непревзойденность и обращались не на одну только пользу. Характерен в этом смысле пример ядерной и термоядерной энергетики, которая принесла немало преимуществ, но одновременно продемонстрировала хрупкость и уязвимость человеческого бытия.

Сегодня нет однозначного подхода к тому, что представляют собой технологические уклады, каковы их идентифицирующие признаки, структура и критерии периодизации. В понимании, предложенном С.Ю. Глазьевым, «каждый технологический уклад есть целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется замкнутый цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления» [5, с. 11]. Общее основание перехода от одного технологического уклада к другому видится в «фундаментальных закономерностях долгосрочного технико-экономического развития» [6, с. 29]. Такие закономерности не приобрели значения априорного постулата. в то же время установлено ключевое свойство укладов, состоящее в том, что «каждый последующий является более коротким и более интенсивным по сравнению с предыдущим» [7, с. 124]. При отсутствии бесспорных и «эксплицитных» индикаторов, позволяющих относить тот или иной исторический период к конкретному технологическому укладу, нет сомнений в том, что эпоха медленных скоростей неуклонно приближается к своему закату. Погружение в цифровой мир знаменует начало следующего цивилизационного этапа развития человечества.

Истоки пятого технологического уклада, формируемого на принципах открытой системы, уходят в 80-е годы прошлого столетия. Средоточие, ядро этого уклада образовано «электронной промышленностью, волоконно-оптической техникой, программным обеспечением, роботостроением, микроэлектронными компонентами» [8, с. 26]. Пятый уклад далек от полной и окончательной завершенности. Он не является последним в своем роде. В настоящем укладе проглядываются очертания будущего. По ряду гипотез следующий, шестой технологический уклад давно преодолел стадию эмбрионального состояния

[5, с. 33]. Грядущий уклад формируется на основе преобладания конвергентных (пороговых) технологий. Их образует «большая четверка» инфо-, нано-, био- и когнитивных технологий. Информационные технологии срачиваются с технологиями принципиально иной природы. Грань, отделяющая одну технологию от другой, утончается, они наслаиваются, взаимопроникают и усиливают друг друга. NBIC-технология «грозит размыть грань между живым и неживым, между мыслящей и жестко запрограммированной системами» [9, с. 74].

Переживаемая нами эпоха репрезентирована как технократическая, технико-потребительская, природопокорительная, посткапиталистическая, сетевая, «эра подключения», эпоха победивших скоростей либо перманентного умножения техногенной мощи. Эти сравнительно недавние коннотации сложно помещаются в единый синонимический ряд. В рамках каждой из них присутствует множество аспектов, которые с разных сторон характеризуют наше время.

Информационный технологический уклад отличается от предшествующих небывалыми масштабами и размерами происходящих преобразований. Хотя почва для этого уклада подготавливалась долгие века и тысячелетия, его позиционируют как нацеленный на «замену эволюционно возникших способов самоорганизации природного и культурного миров научно-техно-бюрократической организацией» [10, с. 66]. Не секрет, что многие поколения ученых стремились к разгадке тайны человеческого сознания. Но даже самые смелые футурологические прогнозы не предвосхитили разработку искусственного разума, обладающего неформализуемыми творческими способностями, создание «карты генов, уподобляемой реальной географической карте мира» [11, с. 92] с возможностью вмешательства в человеческий геном. Сегодняшние технологии оценивают эмоциональное состояние человека без его ведома [12, с. 8], очевидно, завтрашним технологиям будет по силам сопровождение и видоизменение мировосприятия личности в заданном направлении. Хорошо известный и многообещающий европейский The Human Brain Project допускает рассмотрение мозга как некоего сложно устроенного *гаджета* [13, с. 12]. Пока не совсем понятно, достижению каких социальных целей подчинены эти новомодные разработки. Возможно, их результаты будут не столь впечатляющими, как ожидается, тем не менее сейчас аналогичные проекты составляют категорию наиболее востребованных и финансируемых. Более того, для них всегда находится нужное узаконение. «Идея робота и искусственного интеллекта как субъекта права способна сделать человека заложником собственного творения» [14, с. 80]. Это не оста-

навливают инноваций, которые происходят спонтанно и сложнопредсказуемо.

Современное общество идентифицируется как прозрачное, глобально информационное или же как «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан» [15, с. 21]. **Симптоматично его определение как общества амбивалентных возможностей, неустойчивости и риска.** «В современном технологически развитом обществе наличное бытие не удовлетворяет человека, оно непрерывно преобразуется (конструируется), усложняясь и обогащаясь. Новые потребности появляются каждодневно. <...> Это общество живет будущим, в нем царит культ новации. Оно неустойчиво, и потому самое, пожалуй, удачное его определение — *общество риска*» [16, с. 16].

Общество риска развивается по тому пути, от которого предостерегали Г. Бехманн, Ж. Бодрийяр, М. Маклюэн, А. Тоффлер и др. Это путь обостряющихся противоречий между упорядоченностью и хаосом, безопасностью и ненадежностью, безграничным расширением свободы и тотальным контролем. Казалось бы, возможность интеракций, дающая человеку ощущение власти не только над пространством, но в определенной мере и над временем, должна сближать людей, но вместо этого человек может утрачивать навыки общения с реальным миром и людьми [17, с. 150–156]. Со временем увеличивается водораздел между, с одной стороны, стабильным равновесием и «стремлением к достижению устойчивого развития, с другой — возрастанием риска жизни в современном технизированном мире» [18, с. 8]. Вооружившись информационными технологиями, человек пытается обойти объективные законы бытия, но в результате растворяется в мире безличных коммуникативных взаимодействий, за результаты которых часто никто не несет никакой ответственности. Надежды на всеобщую образованность оборачиваются вопиющим невежеством. «Информационные и коммуникационные технологии расширяют возможности *цифрового человека* информационной эпохи в сфере конструирования виртуальной реальности, имеющей признаки компьютерной игры» [19, с. 13].

Своеобразие сегодняшнего общества предопределено информационными и коммуникационными технологиями как технологиями самого массового, широкого применения. Это не единственная ипостась высоких технологий. к ним также принято относить социальные, промышленные, экологические, медицинские. По-видимому, большинство тех характеристик, по которым современная эпоха будет

узнаваемой в будущем, составят информационные технологии. Этот класс технологий удостоен эксклюзивного внимания ученых. Коммуникационную революцию, свершаемую в третьем тысячелетии, называют «бархатной» по той причине, что «она столь радикальна и необратима, сколь и незаметна» [20, с. 108]. Ее яркая особенность состоит в сокращении временного интервала между каждым следующим нововведением и очередной передовой разработкой. Не успев как следует адаптироваться к уже открытому, мы сталкиваемся с необходимостью приспособления к иному.

Триумфальное шествие информационных технологий оборачивается, с одной стороны, расширением горизонтов научного познания, появлением нетривиальных профессиональных, образовательных, рекреационных возможностей, с другой стороны, разрушением традиционного культурного пространства, цифровой экспансией. Примером социальной патологии, на которую меньше всего обращает внимание право, является интерпассивность. Она — антипод интерактивности. Если негативные последствия интерактивности предлагается преодолевать при помощи права на забвение (права на удаление) [21, с. 155], то способы преодоления интерпассивности пока не предложены. Согласно С. Жижке, интерпассивность — изнанка интерактивности [22, с. 19], это активность, которая никогда не реализуется в действительности. «Будучи укорененным в социальных связях, человек выступает в роли инертного потребителя (реципиента) информации. И вместо обретения активности, посредством гаджетов и новых медиа люди становятся активными только в своем собственном воображении» [23, с. 92]. Учет только одной (позитивной) стороны технологизации оказывает плохую услугу праву.

Несмотря на юность, названная категория технологий быстро взрослеет и достигает высокой стадии зрелости. Трудно найти такую сферу, которая не испытывала бы на себе их «возмущающего воздействия» (термин С. Бира, примененный к кибернетике) [24, с. 55]. Даже весьма далекий от компьютерной грамотности человек поневоле ощущает присутствие этого фактора в своей жизни. По мере укрепления очередного технологического уклада как бы испытываются на прочность властно-регулятивные способности права, растет степень его неопределенности. «Рефлексия не поспевает за изменениями, осознанность — за трансформациями телесности, бессознательной тягой к удобству, а личный опыт — за информацией» [20, с. 3]. Соответствующая тематика составляет известную прерогативу информационного права. Одно временно под «облучающее» цифровое воздействие

подпадают практически все отрасли права и законодательства. Интернет-технологии имеют особую резонансную притягательность. Юридические дисциплины, работающие в различных предметных сферах, разделяют общую тревогу и озабоченность рисками, растущими вкупе с технологическими инновациями. Опять же, информационному праву принадлежит первенство в распознавании и фиксации вызовов эпохи. Это относится к рискам ошибочной идентификации субъектов и объектов в цифровой среде [25], угрозам информационной безопасности в сфере использования искусственного интеллекта [26], симуляциям общественного и политического участия в киберпространстве. Перечень рисков постоянно растет, чему немало содействует «дефицит коммуникативных компетенций, пригодных для электронных форм коммуникации» [27, с. 210].

За достаточно короткий период юридическая наука и практика проделали колоссальный путь. Их нельзя упрекнуть в ретроградстве, нечувствительности и теплохладном отношении к информационным технологиям. Надо полагать, использование новых технологий в разных сферах стало первопричиной неизвестных прежде течений и направлений юридической мысли, открытия новых научных истин. В правоведение привнесен ряд концептов — компьютерное, сетевое, цифровое право, отчасти — квантовое право. Реализованы концептуальные подходы к правовому регулированию общественных отношений, связанных с использованием цифровых технологий [28, с. 39], к формированию государственной информационной политики [29, с. 59]. На примере Беларуси заметим, что те принципы регулирования информационных правоотношений, которые поначалу вырабатывались интуитивно, подтвердили свою эффективность на практике и получили должное нормативное закрепление [30]. **На данном поприще совершены важные шаги, однако предстоит сделать еще больше, чем сделано.** «Волны техногенных инноваций бросают вызов науке, от которой требуются корректная постановка вопросов и научная формулировка проблем, требующих достоверных ответов» [19, с. 8].

Как представляется, в особой актуализации нуждается **право коммуникации**. Хотя соответствующая тематика звучит в юридическом дискурсе [31], правоведение больше сосредоточено на прикладных аспектах дигитализации отдельных сфер государственного управления. На периферии исследовательского поля остаются важные методологические вопросы. Методология консервативна, над ней довлеют старые подходы, которые вряд ли могут быть целиком приспособлены для решения проблем общества риска. «Лишь глубокие перемены в обще-

ственно-политической и социально-экономической жизни, потребность решения новых практических задач и значительный накопленный теоретический базис ставят проблему переосмысления традиционных взглядов к оценке явлений и соответственно корректировки и уточнения методологической основы их изучения» [32, с. 35]. Поиск релевантных способов регламентации общественных отношений с элементами сетевой коммуникации должен опираться на адекватную методологию. «Право как целостность начинается в настоящем и ищет прошлого лишь в той мере и так, как это диктует то, на чем сейчас сосредоточено его внимание» [33, с. 308]. Информационное право призвано перестраиваться на новый теоретический лад быстрее прочих юридических дисциплин. У него просто не должно быть конкурентов в релевантной оценке кардинальных изменений среды обитания, всепроникающего процесса технологической конвергенции, под которой понимается «не простое сближение или схождение нано-, био-, информационных технологий, когнитивных и социальных наук, а сложный комплекс их взаимодействия» [34, с. 78]. В противном случае мы будем иметь дело с попытками «вливания молодого вина в мехи ветхие». Если данная отрасль запаздывает с решением многоплановых познавательных и прикладных задач, обусловленных «информационным потоком» (термин Е. Морозова) [35, с. 342], то, по крайней мере, она должна концентрировать внимание на их важности.

Существует сложная корреляция права и технологических укладов. Как показывают Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская [7, с. 130], исторически, при переходе от одного уклада к другому, меняются требования к праву как социальному регулятору.

Возможность беспрепятственного общения и взаимодействия с миром и другими людьми является важным отличием цифрового мира постиндустриальной эпохи от «старого мира» (мира меньшей «включенности»). «Впервые *все мы* оказались на связи друг с другом» [36, с. 25]. Допустим, что отделять сегодняшнее общество от прошлых возможно в том числе на линии категории коммуникации. Понятие, стоящее за этим термином, расширяет свои границы, что в большей степени заметно в исследованиях по коммуникологии, коммуникативистике, цифровой гуманитаристике, и в меньшей — в собственно правовых. Исключения составляют, пожалуй, теоретико-правовые исследования [37, 38], где есть интересные находки по изучению такого сложного феномена, как коммуникация в ее соотносительности с правом. Сетевое взаимодействие стало массовым явлением, которое неспособно регулировать государство. Это взаимодействие осуществляется по собственным правилам,

нередко не соотносящимся с правовыми установлениями. Для права значима в первую очередь общественно-государственная коммуникация. Сферы, области охвата и уровни информационного взаимодействия акторов, представляющих государство и общество, выходят далеко за пределы получения государственных услуг в режиме онлайн. Коммуникация государства и общества не исчерпывается обменом информацией по поводу налогообложения и обращения граждан, которые отличаются однонаправленностью.

Характерная черта времени — спорадическое изменение конфигурации общественных отношений. Особого внимания требует ускоренное образование информационных акторов, разного рода сетевых сообществ, не находящихся в какой-либо иерархической зависимости от государства и использующих киберпространство для репрезентации своих целей и продвижения собственных интересов. Информационные акторы не согласны на роль пассивных участников процессов сетевого взаимодействия (в том числе с акторами, представляющими государство). В данной связи встает вопрос о том, насколько статические правовые конвенции удовлетворяют запросам общества риска.

Применяемая в современных правовых исследованиях методология в основной своей части сформирована в прошлом историко-культурном и социальном контекстах, отличных от настоящего. Ныне происходящая переделка социальной среды обитания не имеет прецедентов. «Совместная среда есть совмещение персональных сред в социальную среду обитания» [39, с. 235]. Цифровая реальность плохо поддается описанию на языке, выработанном предыдущей эпохой. Пребывая по инерции в рамках юридического позитивизма [40], мы рискуем до бесконечности повторять путь символического переодевания старых правовых институтов в новые технологические одежды. Сетевая коммуникация употребляется преимущественно для процедурной оптимизации алгоритмов внутреннего взаимодействия органов публичной власти. Гораздо реже данный продукт цивилизации используется для привлечения граждан к управлению делами государства и общества. *От права (граждан) на информацию пора переходить к праву коммуникации, но это во многом — вопрос желания, готовности и способности конкретного государства к дискурсивному обмену мнениями с обществом.* Согласимся с тем, что «сегодня не только и не столько право влияет на развитие отношений в сфере использования цифровых технологий, сколько последние вынуждают право трансформироваться и взаимодействовать с другими регуляторами, использовать цифровые технологии для собственных целей саморазвития на различных

уровнях “жизни”» [41, с. 130]. **Прежние эпистемологические подходы обнаруживают свою ограниченность перед общественным запросом на легитимное включение в процессы разработки, принятия и мониторинга реализации юридически значимых решений.** Подтверждением сказанному служит пример реформенного преобразования нормотворческого процесса, когда этот процесс всячески ускоряется и автоматизируется, в то время как его конечные продукты — законотворческие решения — при росте их количества остаются неизменными в смысле отсутствия либо недостатка общественной верификации.

Актуализация права коммуникации имеет целью не отвлеченное познание неюридического феномена, а решение практических задач, состоящих в определении сущностного назначения передовых технологий как инструмента достижения неконфликтного состояния общества, рекрутирования граждан на законопослушное социальное поведение, преодоления коммуникативных барьеров между государством и обществом, уравнивания публичных и частных интересов. С учетом амбивалентности информационных технологий они с равным успехом могут служить вспомогательным средством укрепления демократических институтов и их подрыва.

Возвращаясь к авторитетной публикации, упомянутой в самом начале, отметим, что в ней содержатся идеи, методологически важные для настоящего и будущего развития (информационного) права. Речь идет **о демократии участия; трансформации отношений внутри государства и гражданского общества; укреплении общественных институтов и демократических ценностей; развитии творческого потенциала всех людей; коммуникационной маргинализации; трансграничности и неопосредованном характере коммуникаций** [2]. При распознавании рисков, сопутствующих новым формам социального взаимодействия, право вполне может рассчитывать на сетевую коммуникацию как на средство компенсации провалов традиционных институтов прямой и опосредованной демократии. *Теория права коммуникации должна занять подобающее ей место в предметном позиционировании информационного права как отрасли, причастной к разработке стратегий преодоления негативных последствий непрерывных технологических изменений и вызванного ими состояния общественной напряженности.*

Право коммуникации не может реализоваться в русле традиционной методологии и парадигмы взаимодействия государства и общества, видящей в первом единственно субъект регулирующего воздействия, а во втором — обезличенный его объект.

Общество риска задает новый темп жизни, для него характерно состояние неоднородности и асимметрии. В нем рушатся традиционные модели поведения человека, группы, элиты, толпы. Возникают конвергентные модели, привязанные к передовым технологиям и нереализуемые вне такой привязки. Когда общество представляется потребителем, а государство в лице его органов — соответственно поставщиком (правовой) информации, сложно надеяться, что в подобных ипостасях общество будет транслировать свои ожидания, чаяния и надежды государству, а последнее воспримет их и отнесется к ним неиндифферентно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Чарап Дж. Объяснение Вселенной. Новая эра физики. М.: Техносфера, 2007. 192 с.
- Федотов М.А. Киберпространство как сфера обитания права // Бюллетень ЮНЕСКО по авторскому праву. 1999. Т. XXXII. № 1. С. 21–30.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
- Елсуков А.Н. Позитивизм и марксизм — их сходство и различие в трактовке проблем социального развития // Философско-социологический бриколаж: юбилейное издание. Минск: Книжный дом, 2011. 418 с. С. 210–216.
- Глазьев С.Ю. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / под ред. академика РАН С.Ю. Глазьева и профессора В.В. Харитоновой. М.: Тривант, 2009. 256 с.
- Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 27–42.
- Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография М.: Изд-во СП, Норма, ИНФРА-М, 2021. 184 с.
- Добреньков В.И., Кравченко А.И. Технологические вызовы. М.: Русайнс, 2021. 412 с.
- Родзин С.И., Титаренко И.Н. NBK-технологии, искусственный интеллект и электронная культура // Информатика, вычислительная техника и инженерное образование. 2013. № 2. С. 60–74.
- Кирвель Ч.С. Трансгуманистическое будущее: угрозы и вызовы трансформаций антропосферы // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2019. № 1. Т. 11. С. 60–76.
- Чубукова С.Г. Субъектный подход в исследовании проблем информационного права // Формирование системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе. Вторые Бачиловские чтения: сб. науч. трудов / под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалева. М.: ИГП РАН, 2019. 341 с. С. 90–98.
- Батурич Ю.М. Нейроцензура против когнитивной свободы // Труды по интеллектуальной собственности. 2020. № 3-4. С. 5–23.
- Прот. Кирилл Копейкин. Трудная проблема сознания в контексте соотнесения естественнонаучного и теологического дискурса // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2019. № 2. С. 7–24.
- Пономарева Е.В. Феномен квазисубъекта права: вопросы теории: монография / под ред. докт. юрид. наук, доц. С.И. Архипова. М.: Юрлитинформ, 2020. 160 с.
- Цифровое право: глоссарий понятий / под общ. ред. В.В. Блажева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 64 с.
- Шкода В. О религиозном и научном размышлении // Научные и богословские эпистемологические парадигмы: историческая динамика и универсальные основания / под ред. В. Поруса (сер. «Богословие и наука»). М.: Библийско-богословский ин-т святого апостола Андрея. 2009. 271 с. С. 230–244.
- Филарет (Вахромеев К.В.; митрополит Минский и Слуцкий). Человек в истории. Минск: Свято-Елисаветинский женский монастырь, 2008. 192 с.
- Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц. М.: Логос, 2010. 248 с.
- Усоский В.Н. Кредитные деньги. Банковская система. IT. Криптовалюта: в 2 т. Т. 1. Историко-экономическое исследование о природе человека, иерархии общества, сущности ценности и кредитных денег / под ред. чл.-кор. НАН Беларуси, д-ра экон. наук, проф. В.Ф. Медведева. Минск: МГЛУ, 2020. 292 с.
- Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Изд-во РХГА, 2013.
- Варламова Н.В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 5. С. 141–167.
- Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб.: Алетейя, 2005. 156 с.
- Перепелица Е.В. Государство и общество: концептуальные основы сетевой коммуникации. (Сер. «Гуманитарные науки»). Минск: Право и экономика, 2021. 306 с.
- Бир С. Наука управления / пер. с англ.; предисл. С.В. Емельянова. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 112 с.

- Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве: дис. ... д-ра юрид. наук: М.: ИГП РАН, 2020. 455 с.
- Модели правового регулирования создания, использования и распространения роботов и систем с искусственным интеллектом: монография / под общ. ред. В.Б. Наумова. СПб.: НП-Принт, 2019. 259 с. С. 195–210.
- Тихонова С.В. Информационные риски правопорядка // Социология для юристов: учебник для специалитета / под ред. О.Ю. Рыбакова. М.: Норма, ИНФРА-М, 2021. 400 с. С. 209–212.
- Информационное право: учеб. для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под ред. М.А. Федотова. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 497 с.
- Информационное право: учебник / Г.А. Василевич и др. / под общ. ред. Г.А. Василевича и Д.А. Плетенева. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2015. 392 с.
- Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 ноября 2008 г., № 455-З (в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2021).
- Минбалева А.В. Теоретические основания правового регулирования массовых коммуникаций в условиях развития информационного общества: монография Челябинск: Министерство образования и науки Российской Федерации, Южно-Уральский гос. ун-т, 2012. 374 с.
- Вертинская Т.С. Концептуальная модель управления внешнеэкономическими связями на региональном уровне в Республике Беларусь. Минск: Беларуская навука, 2006. 267 с.
- Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 592 с.
- Басалаева О.Г. Технологический уклад и культура в контексте концепции цивилизации конвергенции наук и технологий: методологический аспект // Вестник КемГУКИ. 2017. № 38. С. 76–80.
- Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети (The net delusion: the dark side of Internet freedom) / пер. с англ. И. Кригера. М.: АСТ, Corpus, 2014. 526 с.
- Скиннер К. Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 295 с.
- Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: избр. труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 575 с.
- Ван Хук М. Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова, В. Полякова. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2012.
- Барышков В.П. Ценности как самосознание культурной эпохи // Социология для юристов: учеб. для специалитета / под ред. О.Ю. Рыбакова. М.: Норма, ИНФРА-М, 2021. 400 с. С. 225–237.
- Шишкин А.А. Общественное обсуждение и опрос как формы непосредственного участия граждан в осуществлении местного самоуправления в Республике Беларусь // Юстиция Беларуси. 2020. № 4. С. 39–43.
- Жернова В.М. Правовое регулирование искусственного интеллекта и киберфизических систем // Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий: монография / под общ. ред. д.ю.н., доцента А.В. Минбалева. Саратов: Амирит, 2019. С. 130–145.

REFERENCES

- Charap Dzh. Ob"yasnenie Vselennoi. Novaya era fiziki. M.: Tekhnosfera, 2007. 192 s.
- Fedotov M.A. Kiberprostranstvo kak sfera obitaniya prava. Byulleten' YuNESKO po avtorskomu pravu. 1999. T. XXXII. No. 1. S. 21–30.
- Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya. M.: Eksmo, 2016. 138 s.
- Elsukov A.N. Pozitivizm i marksizm — ikh skhodstvo i razlichie v traktovke pro-blem sotsial'nogo razvitiya // Filosofsko-sotsiologicheskii brikolazh: yubil. iz-danie. Minsk: Knizh. Dom, 2011. 418 s. S. 210–216.
- Glaz'ev S.Yu. Nanotekhnologii kak klyuchevoy faktor novogo tekhnologicheskogo uklada v ekonomike / pod red. akademika RAN S.Yu. Glaz'eva. M., 2009. 256 s.
- Glaz'ev S.Yu. Sovremennaya teoriya dlinnykh voln v razviti ekonomiki // Ekonomich. nauka sovrem. Rossii. 2012. № 2. S. 27–42.
- Pashentsev D.A., Zaloilo M.V., Dorskaya A.A. Smena tekhnologicheskikh ukladov i pravovoe razvitie Rossii: monogr. M.: IZiSP: Norma? INFRA-M, 2021. 184 s.
- Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Tekhnologicheskie vyzovy. M.: RUSAINS, 2021. 412 s.
- Rodzin S.I., Titarenko I.N. NBIK-tekhologii, iskusstvennyi intellekt i elek-tronnaya kul'tura // Informatika, vychislit. tekhnika i inzhener. obrazovanie. 2013. № 2. S. 60–74.
- Kirvel' Ch.S. Transgumanisticheskoe budushchee: ugrozy i vyzovy transformatsii antroposfery // Vesnik Grod-nenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Ser. 1. Istoriya i arkheologiya. Filosofiya. Politologiya. 2019. № 1. T. 11. S. 60–76.
- Chubukova S.G. Sub»ektnyi podkhod v issledovanii problem informatsionnogo prava // Formirovanie sistemy pravovogo regulirovaniya obespecheniya

- informatsionnoi bezopasnosti v usloviyakh bol'shikh vyzovov v global'nom informatsion-nom obshchestve. Vtorye Bachilovskie chteniya: sb. nauch. tr. / pod red. T.A. Polyakovoi, V.B. Naumova, A.V. Minbaleeva. M.: IGP RAN, 2019. 341 s. S. 90–98.
- Baturin Yu.M. Neirotsenzura protiv kognitivnoi svobody // Trudy po intellektual'noi sobstvennosti. 2020. No. 3–4. S. 5–23.
- Prot. Kirill Kopeikin / Trudnaya problema soznaniya v kontekste sootnesheniya estestvennonauchnogo i teologicheskogo diskursa // Trudy kafedry bogoslovniya SPb. dukhovn. akadem.: nauch. zhurnal. SPb.: Izd-vo SPbPDA. 2019. № 2. S. 7–24.
- Ponomareva E.V. Fenomen kvazisub'ekta prava: voprosy teorii: monogr. / pod red. dokt. yurid. nauk, dots. S.I. Arkhipova. M.: Yurilitinform, 2020. 160 s.
- Tsifrovoe pravo: glossarii ponyatii / pod obshch. red. V.V. Blazheeva, M.A. Egorovoi. M.: Prospekt, 2020. 64 s.
- Shkoda V. O religioznom i nauchnom razmyshlenii // Nauchnye i bogoslovskie epistemologicheskie paradigmy: istoricheskaya dinamika i universal'nye osnovaniya / pod red. V. Porusa (ser. "Bogoslovie i nauka"). M.: Bibl.-bogoslov. in-t sv. ap. Andreyeva. 2009, 271 s. S. 230–244.
- Filaret (Vakhromeev K.V.; mitropolit Minskii i Slutskii) / Chelovek v istorii. Minsk: Sv.-Elisavet. zhen. monastyr', 2008. 192 s.
- Bekmann G. Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoe obshchestvo, obshchestvo znaniy / per. s nem. A.Yu. Antonovskogo, G.V. Gorokhovo, D.V. Efremenko, V.V. Kaganchuk, S.V. Mesyats. M.: Logos, 2010. 248 s.
- Usoskii V.N. Kreditnye den'gi. Bankovskaya sistema. IT. Kriptoalyuty: v 2 t. T. 1. Istoriiko-ekonomicheskoe issledovanie o prirode cheloveka, ierarkhii obshchestva, sushchnosti tsennosti i kreditnykh deneg / pod red. chl.-kor. NAN Belarusi, d-ra ekon. nauk, prof. V.F. Medvedeva. Minsk: MGLU, 2020. 292 s.
- Savchuk V.V. Mediafilosofiya. Pristup real'nosti. SPb.: Izd-vo RKHGA, 2013.
- Varlamova N.V. Tsifrovye prava — novoe pokolenie prav cheloveka? // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2019. T. 14. № 5. S. 141–167.
- Zhizhek S. Interpassivnost'. Zhelanie: vlechenie. Mul'tikulturalizm. SPb.: Aleteiya, 2005. 156 s.
- Perepelitsa E.V. Gosudarstvo i obshchestvo: kontseptual'nye osnovy setevoy komunikatsii (Ser. «Gumanitar. nauki»). Minsk: Pravo i ekonomika, 2021. 306 s.
- Bir S. Nauka upravleniya / per. s angl.; predisl. S.V. Emel'yanova. Izd. 3-e. M.: Izd-vo LKI, 2010. 112 s.
- Naumov V.B. Institut identifikatsii v informatsionnom prave: dis. ... d-ra yurid. Nauk. M.: IGP RAN, 2020. 455 s.
- Modeli pravovogo regulirovaniya sozdaniya, ispol'zovaniya i rasprostraneniya ro-botov i sistem s iskusstvennym intellektom: monogr. / pod obshch. red. V.B. Naumova. SPb.: NP-Print, 2019. 259 s. S. 195–210.
- Tikhonova S.V. Informatsionnye riski pravoporyadka // Sotsiologiya dlya yuristov: uchebnik dlya spetsialiteta / pod red. O.Yu. Rybakova. M.: Norma, INFRA-M, 2021. 400 s. S. 209–212.
- Informatsionnoe pravo: ucheb. dlya bakalavriata, spetsialiteta i magistratury / pod red. M.A. Fedotova. M.: Izd-vo Yurait, 2019. 497 s.
- Informatsionnoe pravo: ucheb. / G.A. Vasilevich i dr. / pod obshch. red. G.A. Vasilevicha i D.A. Pleteneva. Minsk: Obrazovanie i vospitanie, 2015. 392 s.
- Ob informatsii, informatizatsii i zashchite informatsii [Elektronnyi resurs]: Zakon Resp. Belarus', 10 noyab. 2008 g. No. 455-Z: v red. Zakona Resp. Belarus' ot 11.05.2016 // ETALON. Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus' / Nats. tsentr prava i vovoi inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2021.
- Minbaleev A.V. Teoreticheskie osnovaniya pravovogo regulirovaniya massovykh komunikatsii v usloviyakh razvitiya informatsionnogo obshchestva: monogr. Chelyabinsk: Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, Yuzhno-Ural. gos. un-t, 2012. 374 s.
- Vertinskaya T.S. Kontseptual'naya model' upravleniya vneshneekonomicheskimi svyaziyami na regional'nom urovne v Respublike Belarus'. Minsk: Belorusskaya nauka. 2006, 267 s.
- Dvorkin R. Imperiya prava / per. s angl. S. Moiseeva; pod nauch. red. S. Koval', A. Pavlova. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2020. 592 s.
- Basalaeva O.G. Tekhnologicheskii uklad i kul'tura v kontekste kontseptsii tsivilizatsii konvergentsii nauk i tekhnologii: metodologicheskii aspekt // Vestnik Kem-GUKI. 2017. No. 38. S. 76–80.
- Morozov E. Internet kak illyuziya. Obratnaya storona seti (The net delusion: the dark side of Internet freedom) / Per. s angl. I. Krigera. M.: AST: Corpus, 2014. 526 s.
- Skinner K. Tsifrovoy chelovek. Chetvertaya revolyutsiya v istorii chelovechestva, kotoryaya zatronet kazhdogo. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2019. 295 s.
- Polyakov A.V. Kommunikativnoe pravoponimanie: izbr. tr. SPb.: Alef-Press, 2014. 575 s.
- Van Khuk M. Pravo kak komunikatsiya / per. s angl. M.V. Antonov, A.V. Polyakov. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2012.
- Baryshkov V.P. Tsennosti kak samosoznanie kul'turnoi epokhi // Sotsiologiya dlya yuristov: ucheb. dlya spetsialiteta / pod red. O.Yu. Rybakova. M.: Norma, INFRA-M, 2021. 400 s. S. 225–237.
- Shishikin A.A. Obshchestvennoe obsuzhdenie i opros kak formy neposredstvennogo uchastiya grazhdan v osu-

- shchestvlenii mestnogo samoupravleniya v Respublike
Bela-rus' // Yustitsiya Belarusi. 2020. No. 4. S. 39–43.
- Zhernova V.M. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo
intellekta i kiberfizi-cheskikh sistem / Pravovoe reguliro-
vanie tsifrovyykh tekhnologii v Rossii I za ru-bezhom. Rol'
i mesto pravovogo regulirovaniya i samoregulirovaniya
v razvitii tsifrovyykh tekhnologii: monogr. / pod obshch.
red. d.yu.n., dotsenta A.V. Minbaleeva. Saratov: Amirit,
2019. S. 130–145.